

Джошуа и его отцу Дейлу

Увертюра

Хелен Картрайт была старенькая, судьба ее в свое время переломилась, как она и представить себе не могла.

Ходьба помогала, и Хелен старалась выбираться из дому ежедневно, даже в ливень. Но жизнь для нее кончилась — она это знала и принимала. Каждый день повторял предыдущий, лишь чуточку проползая вперед, как будто и к смерти стояла очередь.

Ни один из наблюдавших, как сухонькая старушка бредет вниз по Вестминстер-кресент, не мог сказать, что знаком с ней. Она оставалась просто частью фона, на котором постоянно протекали их собственные жизни. На самом-то деле Хелен Картрайт была местной уроженкой — родилась в старой больнице Парк-хоспитал, пока ее отец сражался на море. Больницу давно снесли, но кирпичный коттедж, где росла Хелен, все еще стоял на месте. Время от времени она ходила оттуда в городок. Палисадник залили бетоном, но свозь трещины в нем порой про-

бывались цветочки, знакомые ей по именам, как будто прямо под поверхностью этого мира продолжают существовать те, кого мы помним.

Домом ей теперь стал пенсионерский коттедж на отшибе, с дверью горчичного цвета. Она купила его через интернет, прожив шестьдесят лет за границей.

За шесть десятилетий много чего может случиться. Места меняются. Но сама она не изменилась.

Это Хелен поняла, как только выбралась из такси, которое привезло ее из аэропорта к новообретенному жилищу на Вестминстер-кресент. В дом, оставленный ею на другом конце света, наверняка уже въехали другие люди. Ей представлялось, как они разворачивают газеты, высвобождая ценные или хрупкие предметы, но по большому счету — просто звеня цепочки, ведущей тебя обратно к началу.

Нет, нисколько она не изменилась.

Просто знаний поднабралась от пережитого. И вопреки сказкам, которые ей рассказывали на ночь в детстве, все ценное, что вернулось с ней домой, оставалось для всех, кроме нее, невидимым.

После того как такси укатило обратно в Хитроу, Хелен зашла в дом и устало поставила чемодан у подножия лестницы. Как и в любом жилище, здесь стоял особый запах, который исчезнет, только когда она к нему привыкнет. Под ногами, на полу прихожей, валялись письма, адресованные незнакомым ей людям. Она задумалась о прежних здешних обитателях. Попыталась вообразить, как они жили, но память упорно возвращала ее к мужу и сыну, до которых теперь никак не дотянуться.

Не снимая пальто, пропахшего самолетом и звенящего монетками, которые вечно проскальзывают

за подкладку, Хелен прошла через кухню и остановилась в пустой гостиной.

Засмотрелась в окно, выходящее на улицу.

Наверное, сто раз она девчонкой бегала, прыгала и каталась на дребезжащем велосипеде вокруг этого дома. Наверное, сто раз девчонкой *не* думала, что однажды вернется сюда, чтобы замкнуть свою жизнь в непрерывный круг.

В свой восьмидесятый день рождения Хелен с утра до вечера наводила порядок в кухонном шкафу. Протирала полки. Пылесосила ступеньки. Отворачивалась от всякого лица, являвшегося ей среди пыли или в темноте между жестяными банками.

Три года проходят, не наполненные абсолютно ничем.

А потом, однажды рано утром, кое-что случается.

Пятница

Уже за полночь, но еще совсем темно, день от ночи пока не отделился. Хелен Картрайт стоит у окна спальни в ночной рубашке и тапочках. Отдернула занавеску, совсем чуть-чуть, только взглянуть на мир, пустующий в этот глухой час. Раз уж не спится, она, пожалуй, спустится вниз и включит телевизор — но тут улавливает какое-то движение. Придвинувшись поближе к холодному стеклу, она вдруг теряет улицу из виду — стекло запотеваает от дыхания. Когда туманное пятно исчезает, становится видно соседа в халате и тапочках, он тащит черные мешки к утреннему сбору мусора. Хелен наблюдает, как он сбрасывает свою ношу на землю и затем возвращается в дом. Но калитку не запирает, а наоборот, подпирает кирпичом, чтобы не захлопнулась. Потом вперевалку выходит с огромным ящиком, который с величайшей осторожностью старается угнездить поверх пластиковых мешков.

За последние месяцы Хелен прониклась любопытством: что люди выбрасывают? Несколько раз

даже ходила проверить, вдруг попадется нечто занятное, какой-нибудь предмет, по ошибке отправленный на свалку преждевременно. Глухой стук обычно означал деревянное изделие, фарфор отзывался нежным звяканьем. Если что-то хлюпает, лучше держаться подальше.

Так что, после того как сосед накинул на калитку щеколду, скрылся в доме и запер входную дверь, Хелен надевает свои клетчатые тапочки и идет на нижний этаж. Убедившись, что на улице ни души, она натягивает пальто и выскальзывает во чрево ночи. Видимо, прошел дождь — дорога выглядит мягкой влажной лентой. Мешки Хелен вниманием не устаивают, ее влечет вынесенный соседом ящик, который и не ящик вовсе, а стеклянный аквариум, заполненный всяким барахлом. Ничего особенного, кроме вещицы, лежащей сверху. Эта детская игрушка ей знакома, кусочек декорации от давно прожитой жизни, словно отвалившийся осколок воспоминания, каким-то образом нашел обратный путь, прямо к ней в дрожащие руки.

Форма и текстура игрушки наводят Хелен на мысль, что, может, она на самом деле крепко спит в своей кровати и вот-вот откроет глаза в мутной тишине комнаты. Оторвавшись от созерцания выброшенной вещицы, она окидывает взглядом длинный ряд домов на Вестминстер-кресент. Вдруг что-нибудь — загоревшийся свет, хлопнувшая дверь или соседская кошка — проявится и разорвет ткань сновидения.

Но ничто не шевелится.

Никто не приходит.

Это обитатели улицы, женщины в ночных рубашках и мужчины в пижамах, погружены в сон, а она нет. Только ее сознание фиксирует этот момент.

Хелен переворачивает игрушку, пластикового аквалангиста. Трогает акваланг и ласты. Нарисованные глаза под дайверской маской как будто узнают ее. Точно такую же штуку она купила в подарок сыну на тринадцатый день рождения. Аквалангист тогда входил в игрушечный набор. Ей становится интересно, что там в картонных коробочках под ним. Может, этот тоже из набора и остальные детали появятся одна за другой, как будто нанизываясь на длинные нити печали.

Не раздумывая, Хелен поднимает аквариум вместе с аквалангистом и грязными картонными коробочками. Он тяжелее, чем ей казалось, и к тому же, хотя до дома недалеко, на полпути разверзаются небеса. Все содержимое аквариума мгновенно промокает насквозь. Водяные змейки сползают по щекам Хелен. Холод вибрациями отдается в голове, волосы липнут к коже. Идти-то совсем близко, метров пятнадцать еще, вот только дождевые капли, стремительно набираясь, утяжеляют груз. Но хотя ее узловатые руки уже трясутся от перенапряжения, опускать его на землю Хелен не намерена. В доме она сможет рассмотреть содержимое и решить, что делать дальше. Вот так, в рамках физического мира, воспоминания прежде к ней не являлись. Они всегда были невесомы, достаточно сильны, чтобы испоганить день, но ни разу еще не позволяли себя потрогать и подержать в руках.

Аквариум вместе со всем, что внутри, весит плюс-минус как крупный ребенок, и Хелен упрямо идет дальше, подогреваемая тлеющими углями инстинкта.

Пропихнуть аквариум в дверь не так-то просто, надо извернуться. Мышцы рук и шеи сводит, она готовится к удару разрывающей боли в грудь — но от-

куда-то берутся силы на это последнее испытание. Протиснувшись в дом, она тяжело топает в гостиную и с глухим стуком опускает аквариум на журнальный столик.

Обтерев лицо бумажной салфеткой в уборной на первом этаже, Хелен втаскивает себя наверх по лестнице и сбрасывает мокрую одежду. Набирает ванну, добавив немножко эвкалиптового экстракта. Дрожащее тело блаженно погружается в воду.

В теплой влажной тишине она задумывается об игрушечном аквалангисте. Теперь-то ясно, он всю ее жизнь до сих пор удерживал на месте, точно якорь, брошенный много лет назад и позабытый. Но с какой целью ее не пускают за край? Все, кто был нужен и любим, уже ушли, и за тонкой завесой страха в ней живет желание оказаться там же, где они.

А теперь внизу лежит предмет, норовящий оттащить ее от края, детская игрушка, которая принадлежит ее памяти не меньше, чем чьему-то чужому прошлому.

Вообще-то она с подобными вещами покончила. В этом доме и взглянуть-то не на что. Ни поздравительных открыток, ни писем. Даже фотоальбомы не отправились с ней в большой переезд три года назад. Ну то есть как — она их сожгла. На подъездной дорожке под террасой. Так надо было. Не уцелел даже тот, где запечатлено было путешествие в Новую Зеландию, с девятилетним Дэвидом, когда они всей семьей ели мороженое, сидя на низком парапете и наблюдая, как лодочки устремляются в открытое море, словно покидающие отчий дом дети.

Пар на лице ощущается как прикосновение рук. Хелен снова опускает голову на свернутое валиком

полотенце. Закрывает глаза, отгораживаясь от пустых комнат своего дома.

Не будь ее тут, дом мог бы быть чьим угодно.

Когда она приехала, кое-какая мебель здесь была. Кровать без матраса, комод, в прихожей столик на латунных ножках. Ковры и занавески тоже имелись. Все остальное она заказывала по каталогу. Под прищмотром Хелен двое мужчин и женщина затаскивали в дом тюки, которые им предстояло распаковать и собрать. Она налила им чаю и дала тарелочку печенья, но большую часть времени просидела наверху, чтобы они могли спокойно переговариваться и работать, не оглядываясь на хозяйку. Ранним вечером двое вынесли упаковочные материалы. Третий завел двигатель и сидел в грузовичке. Стоя на пороге, Хелен предложила дополнительно оплатить им нормальный ужин. В городке было много пабов — если Хелен открывала окно в ночь с субботы на воскресенье, до нее издали доносились взрывы смеха и пение, точно рябь на поверхности ночи.

Когда она была маленькая, многие местные жители работали на заводах. Один находился неподалеку от ее дома, на другом берегу канала. В первый год жизни на Вестминстер-кресент Хелен каждый день слышала полуденный гудок. Но за шестьдесят лет ее отсутствия там все снесли подчистую, и гудок куда-то уехал среди кучи разбитых кирпичей.

Возвращаться спустя столь долгое время было не просто. Жизнь без нее продолжалась себе дальше, как будто Хелен не существовало вовсе. Уличный рынок, где мама любила поболтать с продавцом рыбы, превратился в автостоянку. На месте рыбного прилавка торчал высокий автомат, берущий деньги за парковку.

Магазинчик возле школы, работавший допоздна, чтобы люди туда успевали по дороге домой с завода, никуда не делся, но выглядел и пах он теперь по-другому. Бордовый навес, трепыхавшийся на ветру, сменила белая пластиковая вывеска, подсвеченная изнутри. И касс стало несколько, а раньше только одна держала оборону перед стеной из мармеладок, леденцов и шербета.

Вернувшись через шестьдесят лет, Хелен ощущала свои личные обстоятельства как особенные: когда-то она была избрана для счастья, а теперь точно так же стала мишенью для безысходности. Но позже, прожив столько месяцев подряд в одиночестве, она пришла к осознанию, что подобные чувства — неизбежное следствие старости и более или менее одинаковы для всех. Те, кто на протяжении жизни скупился на любовь, наверное, ожесточаются. А такие люди, как она, каждый свой день наполнявшие до краев, оказываются привязаны к россыпи воспоминаний. Так или иначе, на нее, как и на других, надвигалась великая буря. Вон уже поднимается на горизонте, готовая разразиться. Придет и снесет даже самые заурядные вещи, ни следа не оставит от всего, что, как казалось, ей, Хелен, принадлежит.